

Сергей Есенин.
Стихотворения.

Иллюстрации Осипцовой Миланы

Черный человек

Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась
эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным по-
лем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.
Черный человек
Водит пальцем по мерзкой
книге
И, гнуся надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулды-
ги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!
«Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.
В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.
Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.
Счастье, — говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.

Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.
В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым
—
Самое высшее в мире искус-
ство».
«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».
Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, —
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.
.....
.....
Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась
эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным по-
лем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.
Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.
«Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе

И ближе клонится. —
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.
Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой мирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет „она“,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?
Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую, —
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.
Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...
И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».
«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...
.....
.....
...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...
[1925]

Руки милой- пара лебедей...

Руки милой - пара лебедей -
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою.
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что - для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Ширази.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.
1925

Колдунья

Косы растрепаны, страшная, белая,
Бегаёт, бегаёт, резвая, смелая.
Темная ночь молчаливо пугается,
Шалями тучек луна закрывается.
Ветер-певун с завываньем кликуш
Мчится в лесную дремучую глушь.
Роща грозит еловыми пиками,
Прячутся совы с пугливыми криками.
Машет колдунья руками костлявыми.
Звезды моргают из туч над дубравами.
Серьгами змеи под космы привешены,
Кружится с вьюгою страшно и бешено.
Пляшет колдунья под звон сосняка.
С черною дрожью плывут облака.

1915 г.

Исус-младенец

Собрала Пречистая
Журавлей с синицами
В храме:

“Пойте, веселитесь
И за всех молитесь
С нами!”

Молятся с поклонами
За судьбу греховную,
За нашу;

А маленький Боженька,
Подобравши ноженьки,
Ест кашу.

Подошла синица,
Бедовая птица,
Попросила:

“Я Тебе, Боженька,
Притомив ноженьки,
Молилась”.

Журавль и скажи враз:
“Тебе и кормить нас,
Коль создал”.

А Боженька наш
Поделил им кашу
И отдал.

В золоченой хате
Смотрит Божья Мати
В небо.

А сыночек маленький
Просит на завалинке
Хлеба.

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

“Приносите, птицы,
Хлеба и пшеницы
Не мало”.

Замешкались птицы —
Журавли, синицы —
Дождь прочат.

А Боженька в хате
Все теребит Мати,
Есть хочет.

Вышла Богородица
В поле, за околицу,
Кличет.

Только ветер по полю,
Словно кони, топает,
Свищет.

Боженька Маленький
Плакал на завалинке
От горя.

Плакал, обливаясь...
Прилетал тут аист
Белоперый.

Взял он остороженько
Красным клювом Боженьку,
Умчался.

И Господь на елочке,
В аистовом гнездышке,
Качался.

Ворочалась к хате
Пречистая Мати —
Сына нету.

Собрала котомку
И пошла сторонкой
По свету.

Шла, несла не мало,
Наконец сыскала
В лесочке:

На спине катается
У Белого аиста
Сыночек.

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

“На вечное время
Собирайте семя
Не мало.

А Белому аисту,
Что с Богом катается
Меж веток,

Носить на завалинки
Синеглазых маленьких
Деток”.

1916г.

